B17256

ПРЕЖНЯЯ СЛУЖБА

И

НАСТОЯЩАЯ.

(ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СОЛДАТСКОЙ ШКОЛЫ).

Соч. Ник. БУТОВСКАГО.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1890.

346.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 декабря 1889 г.

Типографія Тренке и Фюснс, Максимиліановскій пер., № 13.

51/256

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прилагаемый очеркъ служитъ продолженіемъ нашихъ прежнихъ изслѣдованій развитія войсковой школы. Для читателей, незнакомыхъ съ нашими взглядами, онъ можетъ показаться нѣсколько одностороннимъ: несправедливо, скажутъ они, иллюстрировать прежнее воспитаніе типами Егорычей и ихъ слабыхъ начальниковъ, оставляя въ сторонѣ великихъ учителей военнаго дѣла и ихъ питомцевъ въ лицѣ замѣчательныхъ офицеровъ и солдатъ прежняго времени; но кто знакомъ съ прежними нашими трудами, гдѣ мы горячо ратуемъ за выполненіе современной школой великихъ завѣтовъ прошлаго, тотъ не можетъ упрекнуть насъ въ желаніи выставить прежнюю школу несостоятельной. Да и можетъ ли быть несостоятельной въ своихъ главныхъ воспитательныхъ элементахъ школа, давшая намъ Севастопольскихъ, Кавказскихъ, Хивинскихъ и другихъ героевъ, удивившихъ міръ своими подвигами?.... Задача наша заключалась не въ этомъ: выставляя положенія, наименѣе благопріятствовавшія воспитанію, обобщая отрицательныя черты прежнихъ войсковыхъ дѣятелей, мы пытались доказать, что русская войсковая часть, по самой природѣ своей, по своему національному духу, даже

при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ почти не поддается распаденію, ибо она живà и крѣпкà своимъ главнѣйшимъ и неотъемлемымъ элементомъ — военно-семейнымъ началомъ, которое служитъ главнѣйшимъ и обильнѣйшимъ источникомъ преданности Царю, повиновенію начальнику, массовой храбрости и т. д. Во главѣ военной семьи, конечно, во всѣ времена стояли офицеры; но между ними бывали и бездѣятельные, которые роняли это начало; тогда тотчасъ же выросталъ Егорычъ, суровый и непреклонный въ военныхъ требованіяхъ и трогательно отзывчивый къ общечеловѣческимъ нуждамъ солдата; но этотъ Егорычъ не ронялъ офицера, а напротивъ — высоко держалъ его начальническій престижъ и былъ глубоко ему преданъ со всею ротой. Это чисто русская солдатская черта, которой нельзя встрѣтить ни въ одной иностранной арміи.

Вотъ почему, придавая огромную важность поддержанію въ нашей арміи военно-семейнаго начала и разбирая развитіе его во многихъ положеніяхъ, мы, между прочимъ, взяли одно изъ самыхъ худшихъ положеній, чтобы и въ немъ отыскать необходимые для нашей современной школы уроки прошлаго.

Ник. Бутовскій.

С.-Петербургъ, 1890 г.

ПРЕЖНЯЯ СЛУЖБА И НАСТОЯЩАЯ.

(Изъ воспоминаній ротнаго командира.)

I.

Сокращеніе солдатской службы, введеніе скорострѣльнаго оружія и возложенная на дѣйствующія войска работа по обученію новобранцевъ положили рѣзкую грань между старой и новой школой. Требованія отъ солдата увеличились, а время для выучки значительно уменьшилось. Явилась работа серьезная, требующая разумной системы, которая оказалась не по силамъ начальникамъ изъ нижнихъ чиновъ, и потому для ея выполненія была настойчиво привлечена военная интелигенція, которая (не станемъ скрывать) часто барствовала на нижнихъ ступеняхъ войсковой школы.

Настоящая служба офицера настолько отличается отъ прежней, что въ глазахъ молодаго военнаго дѣятеля самая правдивая картина нашего прошлаго должна казаться по меньшей мѣрѣ фантастической. Кто, напримѣръ, повѣритъ, что ротный командиръ, которому при нынѣшнихъ условіяхъ нѣтъ, какъ говорится, свободной минуты, въ прежнее время иногда находилъ возможность благодушествовать: онъ въ буквальномъ смыслѣ командовалъ ротой, т. е. училъ ее на плацу и въ лагеряхъ; все же остальное— одиночная выправка, внутренній порядокъ и даже (странно сказать) кормленіе роты—могло находиться въ рукахъ сѣдовласаго фельдфебеля и его же питомцевъ — старыхъ опытныхъ унтеръ-офицеровъ. Конечно и въ старое время, какъ и всегда, были командиры-работники, которые пытались во все войти; но не-

многіе изъ нихъ выдерживали этотъ тернистый путь, ибо скоро приходили къ убѣжденію, что гораздо выгоднѣе, въ смыслѣ служебнаго успѣха, положиться на такъ называемаго «Егорыча», который нажилъ сѣдины, упражняясь въ умѣньи чисто выставлять роту на глаза начальству; но у дѣльныхъ командировъ Егорычъ и не служилъ, ибо въ самомъ его происхожденіи, какъ увидимъ ниже, играло большую роль обаяніе барства; а какой же баринъ тотъ командиръ, который смотритъ солдату въ ротъ, удостовѣряясь, попала-ли туда вся казенная дачка, высчитываетъ на объѣдкахъ солдатскую экономію и т. д. Конечно и между Егорычами были люди особенные, которые могли ужиться съ командирами-работниками; но этотъ незначительный процентъ, достойный полнаго уваженія и высокочтимый современными офицерами, служитъ и теперь. Мы будемъ говорить не о нихъ, а о тѣхъ Егорычахъ, которые, подъ командой у слабыхъ ротныхъ командировъ, пользовались большой самостоятельностью.

Во всѣхъ разсказахъ о старой школѣ фигура этого сѣдовласаго Егорыча выступаетъ чрезвычайно рельефно. Этотъ человѣкъ пользовался большимъ авторитетомъ въ ротѣ, отлично зналъ людей и расправлялся съ ними домашними средствами, никогда не прибѣгая къ карцерамъ, которые считалъ «баловствомъ для солдата»; но замѣчательно, что его солдаты не только любили, но считали, можно сказать, отцомъ. Въ русскомъ простолюдинѣ есть одна удивительная черта, которой, къ сожалѣнію, не видятъ или не понимаютъ многіе начальники: вы можете быть съ нимъ строги сколько вамъ угодно, но не третируйте его, говорите съ нимъ человѣческимъ языкомъ, покажите ему хоть немножко участія прямо отъ сердца,—и этотъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ испорченъ, тотчасъ же готовъ плакать отъ избытка къ вамъ самыхъ хорошихъ человѣческихъ чувствъ. Егорычъ несомнѣнно обиралъ солдатъ въ ихъ казенномъ довольствіи, непозволительно давалъ волю рукамъ, бывалъ даже жестокъ съ людьми, но все это было не томительно, не надоѣдливо, а жестокость проявлялась только въ порывахъ увлеченія службой; вообще же онъ умѣлъ быть привѣтливымъ, умѣлъ сказать ласковое ободрительное слово и, какъ отецъ, искренно забывающій старыя огорченія, полученныя отъ сына, никогда не попрекалъ

солдата его старой провинностью. Больные въ госпиталѣ всегда ждали его, какъ роднаго; онъ шутилъ съ ними, разсказывалъ про ротныя дѣла и всегда приносилъ какой нибудь гостинецъ, вродѣ щепотки чая.

— «Выходите, молодцы, поправляйтесь,—въ ротѣ не въ примѣръ веселѣй», говорилъ онъ, прощаясь съ ними, и они искренно рвались въ роту, къ которой чувствовали привязанность, не смотря на то, что на первомъ же ученьи отсталымъ приходилось жутко. Очевидцы разсказываютъ, какъ трогательно прощались съ старымъ фельдфебелемъ люди, кончившіе службу, какъ бѣднымъ изъ нихъ онъ выдавалъ по рублю на дорогу изъ собственнаго иждивенія, и они со слезами цѣловали ту самую руку, которая всю службу прогуливалась по ихъ затылкамъ. Во всемъ этомъ чувствовалась иногда обиженная въ довольствіи, иногда безтолковая въ обученіи, но всегда крѣпкая духомъ военная семья, которая превосходно держалась въ севастопольскихъ бастіонахъ. Словомъ, Егорычъ, какъ начальникъ, имѣлъ непозволительные и жестоко преслѣдуемые по нынѣшнему времени недостатки, но имѣлъ и высокія достоинства, которыхъ иногда не достаетъ даже у самыхъ разумныхъ и самыхъ дѣятельныхъ изъ современныхъ начальниковъ. Конечно, выходки Егорыча, касающіяся довольствія людей, преслѣдовались и въ прежнее время; но прежнія законоположенія не были такъ опредѣленны, отчетность по хозяйству не была такъ совершенна; а потому фельдфебель во многихъ своихъ продѣлкахъ легко могъ ускользать отъ наблюденія начальства.

Кстати замѣтимъ, что новая школа сдѣлала огромные успѣхи въ обученіи солдата, завела порядокъ въ войсковомъ хозяйствѣ и т. д., но она же ввела и многія искусственныя вещи, которыя претятъ натурѣ простолюдина, не согласуются ни съ его языкомъ, ни съ его простыми національными привычками,—а потому становится понятнымъ, почему солдатъ не только выносилъ, но и любилъ Егорыча и не можетъ полюбить того дурно подготовленнаго словесника, который, въ качествѣ современнаго учителя, донимаетъ его заученными наизустъ уставными фразами и котораго онъ долженъ называть совершенно чуждымъ русскому простолюдину именемъ: «господинъ унтеръ-офицеръ».

Какъ этого «господина», такъ и его ученика мы подробно описали въ предъидущихъ замѣткахъ [1]).

Теперь попытаемся иллюстрировать дѣятельность Егорыча, какъ одного изъ выдающихся руководителей старой школы, примѣрами и фактами, взятыми нами изъ разсказовъ очевидцевъ.

Прежнія требованія начальства, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, совсѣмъ не были похожи на настоящія. Форма всегда останется формой,—безъ нея войско обойтись не можетъ,—но въ прежнее время она часто преобладала надъ духомъ, а потому честный и разумный трудъ не всегда ставился выше тѣхъ мелочей, которыя даютъ солдату только наружную окраску, и для которыхъ Егорычъ, какъ увидимъ ниже, былъ, что называется, золотымъ человѣкомъ. Эти мелочи заключались въ детальной сторонѣ формы одежды, въ необычайныхъ тонкостяхъ ружейныхъ пріемовъ, въ умѣньи подобрать идеальный ранжиръ, не оставляя при этомъ безъ вниманія цвѣта волосъ, которые подфабривались и подкрашивались; но главное—въ умѣньи представить товаръ лицомъ, для чего нужно было однѣ вещи скрыть, другія выдвинуть, т. е. систематически обманывать начальство. Вся система прежняго воспитанія оказывала большое снисхожденіе, а иногда и неумышленное покровительство этой неподходящей для офицера работѣ, а потому даже лучшіе офицеры, оберегая свою роту отъ придирокъ начальства, иногда отдавались въ руки Егорычамъ, давая имъ при этомъ общее и потому весьма характерное наставленіе: «тамъ—какъ знаешь, но чтобы все было хорошо»...

На этомъ поприщѣ Егорычъ былъ мастеръ, художникъ своего дѣла, умѣющій постигать не только то, что нравится начальнику въ настоящемъ, но и угадывать будущее. Офицеръ, который самъ занимался съ ротой, рѣшительно не могъ состязаться съ Егорычами сосѣднихъ ротъ, а потому его рота часто подвергалась непріятностямъ, которыхъ онъ не могъ или не считалъ себя вправѣ устранять.

— Ну, что? надѣлали дѣлъ? язвительно обращался Егорычъ

[1]) См. книгу: «О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата» Томъ II.

къ фельдфебелю той роты, которая проваливалась, напримѣръ, на смотру стрѣльбы.

— Что же, Иванъ Егорычъ,—это не я: сами знаете, что у насъ самъ ротный занимается...

— Ротный... ротный! а много вашъ ротный понимаетъ?.. Солдатъ стрѣлять не умѣетъ, а вы не могли его спрятать на смотру... Эхъ, вы, срамники!..

Самое широкое поле для дѣятельности Егорычей представляли инспекторскіе смотры. Просвѣщенные представители нашей арміи, какъ прежде, такъ и теперь, отлично понимали, что такіе смотры должны быть болѣе или менѣе всесторонними, иначе выдаваемая полкамъ атестація будетъ невѣрною и будетъ вести къ вреднымъ одностороннимъ увлеченіямъ. Прежде и наука-то наша была не велика, но и въ маленькой программѣ бывали у слабыхъ начальниковъ излюбленныя вещи: у однихъ начальниковъ преобладали на смотру ружейные пріемы, у другихъ — гимнастика и то не вся, а какія нибудь излюбленныя машины; у третьихъ — на первомъ планѣ было обмундированіе и снаряженіе; наконецъ, были и такіе добрые начальники, которымъ можно было угодить чѣмъ нибудь однимъ, напримѣръ портянками, которыя въ такомъ случаѣ служили предметомъ состязаній относительно прочности, количества и т. д.

Понятно, что во всѣхъ такихъ случаяхъ Егорычи были очень нужные люди. Изучивъ характеръ требованій начальника, они являлись художниками въ тѣхъ картинахъ, которыя представляли на смотру подготовленныя ими роты.

Репетиція смотра начиналась за мѣсяцъ. Построивъ роту въ двѣ шеренги, Егорычъ ходилъ съ аршиномъ и со снуркомъ, измѣрялъ ремешки, равнялъ ранцы и продѣлывалъ «на чистоту» ружейные пріемы. Надписи на вещахъ, клейма, способъ носки обмундированія и снаряженія, стрижка волосъ и ногтей, наконецъ количество обязательной нижней одежды — все это были вещи, за исправность которыхъ вы могли ручаться, имѣя фельдфебелемъ Егорыча. Даже крестики имѣлись запасные для выдачи людямъ на время смотра, а недостающія рубашки доставались у земляковъ. Зная, что начальникъ дивизіи обращаетъ вниманіе,

напримѣръ, на чистоту рукъ, Егорычъ откуда-то доставалъ особенное ѣдкое мыло и церемонію мытья начиналъ за нѣсколько дней, предварительно заставляя людей оттирать руки пескомъ. Но что всего удивительнѣе—что съ Егорычемъ вы могли быть спокойны даже за самого себя, за свое собственное знаніе и умѣніе: онъ во всемъ васъ предупреждалъ и все нужное подсказывалъ, и чѣмъ вы были благодушнѣе, чѣмъ вы больше лѣнились, отдаваясь въ руки этому человѣку, тѣмъ онъ искреннѣе васъ любилъ и для васъ старался. Вотъ, напримѣръ, его докладъ передъ смотромъ:

— Осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, что у насъ теперича все въ порядкѣ: на солдатѣ состоятъ такія-то вещи, а такихъ-то вещей нѣтъ; давеча велѣно было исключить (вынимаетъ изъ кармана приказъ объ исключеніи). — На прошломъ смотру «они» (начальникъ дивизіи) изволили приказать петельки на галстукахъ обшивать суконцемъ, - обшито...

— Хорошо, отвѣчаете вы добродушно, но Егорычу этотъ отвѣтъ не нравится.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, чтобы не забыть, извольте записать: еще много осмѣлюсь докладывать.

И начинаетъ Егорычъ учить васъ, какъ нужно отвѣчать начальнику дивизіи на такіе-то вопросы, которыхъ онъ въ прошломъ году не предлагалъ, но можетъ предложить, потому что это было въ другихъ полкахъ, откуда Егорычъ собираетъ свѣдѣнія; и еще у Егорыча такая «думка», что можетъ начальникъ спросить: кто такіе въ ротѣ портные, а потому:

— Не угодно-ли будетъ вашему высокоблагородію прежде выучить ихъ списочекъ, а потомъ и ихъ самихъ посмотрѣть въ ротѣ (самъ командиръ временами даже забывалъ, что у него въ ротѣ есть швальня).

— Да, да... непремѣнно.

— Еще осмѣлюсь напомнить, что на прошломъ смотру «они» изволили замѣтить, что ваше высокоблагородіе неправильно изволили держать шашку, когда рапортовали ихъ превосходительству.

— Ахъ, да, — хорошо, что ты напомнилъ.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!.. И опять же «они» изволили замѣтить, что ваше высокоблагородіе торопились

на смотру командовать ружейные пріемы,—давеча у людей горячка вышла.

— Да, да, я помню... Надо будетъ побольше выдержку.

— Осмѣлюсь просить, ваше высокоблагородіе,—не зайдете-ли въ роту, чтобы разика два прокомандовать, а то люди къ вашему голосу не привыкши.

— Хорошо, я зайду... Претензій нѣтъ?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе,—какія претензіи?—у насъ не такая рота...

— Но тамъ что-то, кажется, не роздано?

— Не извольте безпокоиться,—опосля можно роздать; а какъ на смотру отвѣчать—я уже подрепетилъ: всѣ отвѣтятъ, что получили.

Затѣмъ фельдфебель отправлялся въ роту и дѣлалъ послѣднія передъ смотромъ распоряженія. Составлялся такой разсчетъ, чтобы ни одинъ человѣкъ изъ слабыхъ по фронту не попалъ на смотръ; такіе люди оставлялись дневальными или посылались въ лазаретъ съ приказаніемъ жаловаться на животъ; послѣднее дѣлалось въ томъ случаѣ, если начальникъ не обращалъ вниманія на число больныхъ въ ротѣ.

Такимъ образомъ инспекторскіе смотры сходили благополучно; рота постоянно получала благодарности за хорошее состояніе всѣхъ требуемыхъ начальникомъ предметовъ, но особенно за нѣкоторые сюрпризы начальнику, которые умѣлъ устраивать только одинъ Егорычъ. Такъ, напримѣръ, старичекъ-начальникъ дивизіи приходилъ въ умиленіе отъ большаго количества собственныхъ вещей у солдата, которыя на второй день смотра картинно раскладывались на кроватяхъ, и очень сердился, если люди оказывались бѣдными. Это былъ такой серьезный предметъ, что о немъ безпокоился даже самъ ротный командиръ.

— Ну, Егорычъ, — а какже насчетъ вещей: у нашихъ, кажется, маловато?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, не извольте безпокоиться, — вещи будутъ...

— Но у насъ есть бѣдные люди,—не прикупить-ли имъ что нибудь? — У нѣкоторыхъ нѣтъ денегъ...

— Такъ что, ваше высокоблагородіе,—все будетъ съ избыткомъ: у насъ не такая рота...

И дѣйствительно все оказывалось съ избыткомъ: на кроватяхъ лежали въ красиво собранныхъ ворохахъ не только необходимыя въ солдатскомъ быту вещи, какъ, напримѣръ, бѣлье, лишняя пара сапогъ, собственная шинель, ножикъ, нитки, принадлежности для питья, чая и т. д., но и такія вещи, какъ маслянка съ масломъ, кусокъ колбасы, гитара, гармоника и прочее. Все это было декорировано новенькими вышитыми полотенцами и увѣнчано кошелькомъ съ деньгами, который начальникъ дивизіи всегда съ особеннымъ удовольствіемъ раскрывалъ и разсматривалъ.

Все это достигалось такимъ образомъ: за недѣлю до смотра фельдфебель категорически объявлялъ: «слышь, молодцы, чтобы у меня бѣдности не было! каждый ступай къ земляку и тащи, что можешь».

Независимо отъ этого Егорычъ завелъ знакомство съ фельдфебелями другихъ полковъ, и оттуда наканунѣ смотра цѣлыми кулями перетаскивались солдатскія вещи, даже безцеремонно перевозились на ротной телѣгѣ. Видя такое солдатское богатство, начальникъ дивизіи не зналъ, какъ благодарить ротнаго командира, а въ сосѣдней ротѣ, гдѣ показывали только свои вещи, командиру приходилось жутко.

Одинъ только случай чуть не сгубилъ всего дѣла. Подойдя къ одному еще неопытному солдату, начальникъ дивизіи спросилъ:

— Что это у тебя, голубчикъ, — скрипка?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Ты играешь на ней?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— Зачѣмъ же ты ее купилъ?

— Такъ что, ваше превосходительство... замялся солдатъ. Онъ хотѣлъ уже откровенно объяснить, что скрипка принадлежитъ земляку и взята только на сегодняшній день; но въ это время послышался характерный кашель фельдфебеля, хорошо извѣстный ротѣ, какъ призывъ ко вниманію, — и блуждающіе глаза смѣшавшагося солдата увидѣли высунутый изъ-за полы кулакъ. Солдатъ сразу сообразилъ въ чемъ дѣло и объяснилъ начальнику дивизіи, что скрипка куплена имъ «такъ»...

— Какъ это «такъ»? Вѣроятно, ты будешь учиться?

— Такъ точно, ваше превосходительство!! весело крикнулъ солдатъ, обрадовавшись, что ему подсказали настоящій отвѣтъ. Онъ былъ весь мокрый отъ волненія и долго послѣ того вытиралъ потъ на лбу.

Этотъ случай прошелъ благополучно; но бывали и такіе случаи, которыхъ никто изъ смертныхъ, даже такой художникъ, какъ Егорычъ, не можетъ предусмотрѣть. Такіе случаи обыкновенно являлись съ новымъ начальникомъ, котораго еще не изучили, и считались большими событіями, возмущающими казарменное благополучіе. Пятнадцать лѣтъ, напримѣръ, дѣлали ружейный пріемъ извѣстнымъ манеромъ,—и вдругъ новый начальникъ дѣлаетъ вамъ выговоръ за то, что при маршировкѣ съ «ружьемъ вольно» машутъ рукой выше затылка приклада. Влекомые серьезностью случая, вы нарушаете свое многолѣтнее благодушіе и сами являетесь передъ ротой, чтобы ее разнести. Вы прежде всего напускаетесь на унтеръ-офицеровъ, называете ихъ лѣнтяями, стращаете арестомъ и сами начинаете муштровать людей.

Нервно одѣвая дрожащими руками очки, вы суетливо роетесь въ уставѣ, разыскивая роковой параграфъ, но съ непривычки не можете его найти, ибо уже нѣсколько лѣтъ не заглядывали въ уставъ.—«Тридцать пятая страница», мягко подсказываетъ Егорычъ, на котораго вы уже бросили нѣсколько укоризненныхъ взглядовъ.—«Знаю!» отвѣчаете вы сердито и начинаете читать уставъ: «рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, свободно посылается отъ плеча» и т. д.—«Поняли?» обращаетесь вы къ ротѣ.—«Такъ точно, ваше высокоблагородіе!» — «Смотри-жь: кто ошибется — подъ арестъ!»

Начинается маршировка. Весьма понятно, что уничтожить пятнадцатилѣтнюю привычку не легко. Солдатъ пять разъ махнетъ рукой какъ слѣдуетъ, но въ шестой непремѣнно сдѣлаетъ по старому; другой слишкомъ старается и не доноситъ руку до приклада. Вы кричите, выходите изъ себя, опять надѣваете очки и разыскиваете тридцать пятую страницу: «рука, слегка сгибаемая въ локтѣ, посылается отъ плеча... Кто не понялъ, выйди впередъ!» Оказывается, что всѣ поняли. Опять начинается маршировка,—и опять тѣ же ошибки. Вы въ третій разъ читаете

роковой параграфъ и, наконецъ, приходите въ отчаяніе; но у васъ за спиной стоитъ мудрый Егорычъ, у котораго уже назрѣваетъ какой-то планъ; это видно по лихому, съѣдающему роту, его взгляду и по шевелящимся толстымъ пальцамъ вытянутыхъ по швамъ его рукъ. Онъ уже два раза деликатно кашлянулъ, приставляя ладонь ко рту и видимо приготовляясь что-то сказать. — «Ваше высокоблагородіе!» раздается тихій, вѣжливый голосъ за вашей спиной.—«Ваше высокоблагородіе!» слышится нѣсколько громче, чтобы не сразу васъ встревожить. Наконецъ, вы ясно слышите у себя за спиной тотъ успокоительный для васъ тонъ, который всегда спасалъ васъ на смотрахъ. — «Ваше высокоблагородіе! не извольте безпокоиться,—дозвольте, я сейчасъ обучу».

Вы оборачиваетесь къ фельдфебелю (до сихъ поръ вы, какъ бы въ наказаніе, старались на него не смотрѣть) и чувствуете, что вы уже не въ силахъ сердиться: передъ вами стоитъ тотъ самый радѣтель не только служебныхъ, но и вашихъ частныхъ интересовъ, который приходитъ обучать «шустрости» вашего деньщика, не снимаетъ ранца на бивакѣ, пока не разставятъ вашу палатку, бываетъ грустенъ, когда вы бываете больны, и даже самъ предлагаетъ услуги натирать васъ спиртомъ, прогоняя неловкаго деньщика, онъ же самъ лично приноситъ сѣнца въ вашу палатку, если она разставлена на сыромъ мѣстѣ, и, показывая деньщику кулакъ, освобождаетъ изъ лужи вашъ чемоданъ; онъ же васъ останавливаетъ, если вы, въ качествѣ дежурнаго, идете ночью по болоту провѣрять цѣпь, боясь, чтобы вы не промочили ногъ и не простудились; онъ проситъ, чтобы вы его послали вмѣсто себя, и если вы не соглашаетесь, то провожаетъ васъ, какъ малолѣтняго, помогая переступать съ кочки на кочку и ворча себѣ подъ носъ: «Господи! и куда они пошли?..» Приходя съ вечернимъ рапортомъ въ вашу палатку, онъ окутываетъ одѣяломъ ваши ноги, ворча на неисправнаго деньщика, и, вѣроятно, мысленно васъ креститъ... Словомъ, этотъ человѣкъ любитъ васъ горячо и искренно и, что самое замѣчательное, — самъ не зная за что, — просто потому, что вы «его баринъ».

Можно-ли сердиться на такого человѣка? Вы тотчасъ же принимаете его услугу относительно неудающагося ружейнаго пріема и, отходя отъ роты съ облегченнымъ сердцемъ, уже совсѣмъ мягко говорите: «это твое дѣло, Егорычъ, — не мнѣ же въ самомъ дѣлѣ безпокоиться...» Вы въ сущности и сердились только потому, что фельдфебель медлилъ съ своей услугой.

У Егорыча дѣло загорѣлось сразу. Онъ встряхнулъ головой, ухарски расправилъ плечи и неизвѣстно зачѣмъ плюнулъ въ руку, которую тотчасъ же сложилъ въ громадный кулакъ. Рѣшительный взглядъ этого человѣка и смѣлая поступь выражали умѣнье, соединенное съ непреклонной силой начальника. Рота, до сихъ поръ скучавшая подъ вліяніемъ вашего неосновательнаго выговора и монотоннаго чтенія о «слегка сгибаемой въ локтѣ и посылаемой отъ плеча рукѣ», весело насторожила уши, почуявъ передъ собой мастера.

— Слышь, молодцы! какой это палецъ? показалъ Егорычъ на кулакѣ.

— «Казательный», Иванъ Егорычъ, отвѣчали люди.

— А это какой суставъ?

— Второй.

— Тээкъ-съ... Теперь каждый подыми руку и укуси это самое мѣсто.

Люди коснулись зубами втораго сустава указательнаго пальца нисколько при этомъ не улыбаясь. Всѣ хорошо знали, что Егорычъ зря ничего не дѣлаетъ.

— Больнѣй! энергично скомандовалъ фельдфебель и самъ показалъ, какъ надо кусать.

Люди опять укусили, но не всѣ, какъ показалось Егорычу, съ должнымъ стараніемъ.

— Вы что тамъ — въ задней шеренгѣ? дожидаетесь, чтобы васъ попросили? Ладно попросимъ!.. Обойди ихъ, взводные, — посмотри, у всѣхъ ли укушено!

Взводные обошли людей и у кого не нашли красноты на пальцѣ, тому сдѣлали ее въ другомъ мѣстѣ.

— Теперь слушай, молодцы! это самое мѣсто, что болитъ, доноси на маршировѣ до затылка приклада, — поняли?

— Такъ точно, Иванъ Егорычъ!

Маршировка сразу пошла какъ нельзя лучше.

— Ну, что? выучилъ? спрашиваете вы Егорыча при вечернемъ рапортѣ.

— Готово, ваше высокоблагородіе,—хоть сейчасъ на смотръ.

— Что-жь они такъ долго не понимали этого параграфа?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, имъ этого читать не нужно: они и такъ поймутъ...

Эта сцена поучительна и для современной школы, ибо способъ обученія ружейнымъ пріемамъ, употребляемый Егорычемъ, гораздо лучше тѣхъ лекцій о «посылаемыхъ рукахъ и ногахъ», которыя нерѣдко у насъ практикуются при обученіи новобранцевъ, — и если мы не рекомендуемъ этого стариннаго способа для современной школы, то только потому, что есть способы болѣе деликатные, т. е. не оставляющіе знаковъ на тѣлѣ.

Итакъ, мы видимъ, что въ исполненіи инспекторскихъ обязанностей нѣкоторыхъ изъ прежнихъ начальниковъ иногда замѣчалось столько же барства, какъ и въ службѣ ротнаго командира, отдающагося въ руки Егорычу. Начальникъ предъявлялъ требованія, но не всегда задавалъ себѣ трудъ провѣрить исполненіе этихъ требованій какимъ нибудь способомъ, отучающимъ войска отъ рутинныхъ смотровыхъ пріемовъ. Наконецъ, самыя требованія, какъ мы уже замѣтили, часто носили характеръ ничѣмъ не мотивированнаго каприза, и потому съ каждымъ новымъ начальникомъ являлась новая мода. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Егорычи торжествовали. Положимъ, старый начальникъ мало интересовался довольствіемъ солдата, и оно шло себѣ по рутинѣ, съ небольшими злоупотребленіями: унтеръ-офицеры получали бо́льшія противъ рядовыхъ порціи говядины; фельдфебель кормился отдѣльно и даже откармливалъ своего постояннаго вѣстоваго, котораго всегда можно было узнать по красному «гладко́му», какъ выражаются солдаты, лицу. Попадало, конечно, кошевару и артельщику; но люди все-таки ѣли настоящія щи съ уменьшенной дачкой говядины. Вдругъ новый начальникъ является на кухни и объявляетъ, что щи, которыя онъ сегодня пробовалъ, жидки и порціи малы. Кухни становятся вопросомъ дня; о нихъ толкуютъ, совѣщаются, отдаютъ выговоры въ приказѣ. Самъ ротный командиръ идетъ на кухню и на всякій случай спрашиваетъ у встрѣчающихся солдатъ дорогу, которую не твердо помнитъ.

— Что же это, Егорычъ? Неужели мнѣ объ этомъ заботиться?

— Не извольте безпокоиться, ваше высокоблагородіе: какъ щи, такъ и говядина — все будетъ въ порядкѣ.

И дѣйствительно съ слѣдующаго дня завелся порядокъ: Егорычъ не доливалъ воды въ варку и представлялъ на пробу такую гущу, которой людямъ едва хватало по нѣсколько ложекъ; говядину разрѣзывалъ, съ согласія всей роты, не на сто а на восемьдесятъ порцій, причемъ двадцать человѣкъ поочереди не получали говядины, а на ротнаго командира лилось благополучіе въ видѣ благодарностей въ приказѣ за густыя щи и за большія порціи.

Но бывали случаи и болѣе характерные. Однажды въ лагеряхъ завелась мода на укропъ; гдѣ не было укропа, тамъ варка считалась дурной, а укропъ, какъ нарочно, былъ дорогъ и трудно было его доставать. Егорычъ купилъ на цѣлый мѣсяцъ одинъ большой пукъ, засушилъ его и постоянно носилъ въ карманѣ. Какъ только шиканье, или такъ называемый солдатскій телеграфъ возвѣщалъ о приходѣ начальства, Егорычъ отдѣлялъ отъ пука добрую горсть, которая мигомъ изрѣзывалась шустрымъ кашеваромъ и бросалась въ котелъ. Ротный командиръ получалъ благодарность, а въ сосѣдней ротѣ, гдѣ начальство не обманывали, получали выговоръ.

— Ну, что? попало за варку? подсмѣивался Егорычъ надъ фельдфебелемъ сосѣдней роты.

— Что же, Иванъ Егорычъ,—укропа не напасешься; вчера еще былъ, а сегодня, какъ на грѣхъ, вышелъ.

— А у меня вчера вышелъ, а сегодня есть... Эхъ, ты! а еще фельдфебелемъ называешься! Погоди, — еще не такъ проберутъ васъ съ вашимъ ротнымъ...

— Сами знаете: у насъ не такая рота; того и гляди—претензію покажутъ: самъ ротный занимается, — избаловалъ...

— То-то и есть, когда господа суются не въ свое дѣло...

Первый ударъ Егорычамъ былъ нанесенъ введеніемъ скорострѣльнаго оружія и вообще всѣми военными преобразованіями прошлаго царствованія; но окончательно подорвали значеніе

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

этихъ людей образованные и дѣятельные офицеры. Такіе офицеры были и прежде, но конечно, ихъ больше теперь, когда спросъ на образованіе увеличился. Съ скорострѣльнымъ оружіемъ Егорычи еще боролись, вынося на плечахъ своихъ барствующихъ командировъ; но это была, такъ сказать, послѣдняя агонія, особенно, если принять во вниманіе, что и начальство того времени значительно измѣнилось къ лучшему, стало больше присматриваться къ дѣлу и наблюдать оборотныя стороны эфектныхъ смотровыхъ картинъ, представляемыхъ Егорычами. Къ тому времени относится извѣстный анекдотъ про одного выдающагося представителя нашей арміи, который выразился о Егорычѣ такими словами: «глядя на этого ловкаго человѣка, я положительно не увѣренъ, стою ли я въ этой ротѣ на настоящемъ полу или его настилаютъ только для моего прихода, — даже стѣны здѣсь кажутся мнѣ подозрительными»...

Какъ только стрѣльба завоевала первенствующее мѣсто, Егорычъ сразу почувствовалъ, что репетиціи этого сложнаго предмета далеко не такъ удаются, какъ репетиціи ружейныхъ пріемовъ, и потому сталъ придумывать другіе способы для доставленія благополучія своему ротному командиру. Первый способъ былъ испытанъ на домашнихъ (полковыхъ) смотрахъ, гдѣ стрѣляли въ старыя, испещренныя колышками мишени. Егорычъ самъ бѣгалъ къ валамъ для приноса этихъ мишеней начальнику, и прежде чѣмъ сосчитывали проценты, успѣвалъ выталкивать десятокъ-другой старыхъ колышковъ, нарочно заведеннымъ для этого тупымъ гвоздемъ, который носилъ въ карманѣ. Другой способъ употреблялся какъ на домашнихъ смотрахъ, такъ и на смотрахъ высшихъ начальниковъ: самые шустрые люди снабжались лишними патронами, которые скрывали въ голенищахъ сапогъ, и въ то время какъ начальникъ удалялся отъ роты или занимался разговорами, они совершенно свободно выпускали вмѣсто трехъ по пяти и по шести пуль. Проценты выходили такъ высоки, что Егорычъ боялся, какъ бы не перешло за сто; однажды даже и произошелъ такой случай, но въ этомъ обвинили не Егорыча, а сосѣднюю роту, предполагая, что она по ошибкѣ стрѣляла въ чужія мишени. Вскорѣ однако былъ заведенъ строгій контроль надъ выпускаемыми пулями, и Егорычъ

очень пріунылъ, видя въ послѣднихъ нумерахъ свою молодецкую роту. Пріунылъ и ротный командиръ, которому оставалось нѣсколько лѣтъ до пенсіи. Зимой еще было ничего, а лагери какъ-то не задавались: солдата стали донимать стрѣльбой больше, чѣмъ слѣдуетъ, и онъ тоже черезъ это опустился, сдѣлался вялымъ, сталъ хуже ходить на ученьи. Словомъ, все пошло къ упадку, и ротный командиръ то и дѣло слышалъ отъ начальства: «капитанъ! такъ служить нельзя! извольте либо заниматься со своей ротой, либо сдать ее другому»...

Капитанъ приходилъ въ роту, кричалъ на унтеръ-офицеровъ, самъ дѣлалъ летучую провѣрку прикладки, носилъ въ карманѣ и постоянно перелистывалъ «Наставленіе», а иногда, въ порывахъ гнѣва, потрясалъ этой книжкой въ воздухѣ и укоризненно говорилъ фельдфебелю: «это твое дѣло, Егорычъ! вотъ какого ты мнѣ безпокойства надѣлалъ!»

— Ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Егорычъ чуть не со слезами: — истинно осмѣлюсь доложить вамъ: всѣми силами стараюсь, а только не могу знать, какъ и быть...

Онъ ходилъ съ опущенной головой и постоянно ворчалъ: «и чего только не выдумаютъ господа, — было ружье хорошее, исправное, и начальство оставалось довольно... Стрѣляли, какъ въ деревнѣ стрѣляютъ, а ружейные пріемы были на славу,—нѣтъ, поди-жь ты!—надо было выдумать эту проклятую винтовку:— то вѣтеръ тебѣ мѣшаетъ, то солнце, то нарѣзы закручиваютъ,— куда тутъ солдату понять?...»

Вдругъ судьба какъ бы улыбнулась Егорычу: инспектирующія лица, неизвѣстно чѣмъ руководствуясь, выдумали вызывать на смотрахъ не цѣлую роту, а одну изъ полуротъ, по ихъ назначенію. Егорычъ ожилъ, поднялся духомъ и сталъ обдумывать какой-то планъ: онъ сразу сообразилъ, что начальство этой выдумкой отдало себя ему въ руки.

— Ваше высокоблагородіе! весело обратился онъ къ ротному командиру.

— Что? опять какое нибудь замѣчаніе? тревожно спросилъ капитанъ, который съ нѣкотораго времени сталъ очень нервнымъ; слова: «такъ служить нельзя» не выходили у него изъ головы.

— Зачѣмъ, ваше высокоблагородіе, замѣчаніе. — я такъ надѣюсь, что больше замѣчаній не будетъ...

— А что?

— Осмѣлюсь доложить, — я сейчасъ узналъ въ канцеляріи, что стрѣлять на смотру будетъ не цѣлая рота, а одна изъ полуротъ; ихъ превосходительство сами вызовутъ...

— Да вѣдь мы не знаемъ — какая; еслибы знать, то можно было бы стрѣлковъ выбрать, да особенно заняться съ ними.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, не извольте безпокоиться: я такъ надѣюсь, что нынче стрѣльба будетъ хорошая...

Егорычъ носилъ уже въ головѣ планъ и въ тотъ же день искусно, съ удивительнымъ опытомъ мастера, достойнымъ лучшаго примѣненія, приступилъ къ репетиціямъ подмѣна. Эти репетиціи производились шустро, но безъ шума и только по двумъ тихонько, но энергично произносимымъ командамъ: «первая!» и «вторая!» Репетиціямъ предшествовалъ разсчетъ роты на хорошихъ и дурныхъ стрѣлковъ, причемъ послѣдніе назывались «шушвалью» и покорно несли это обидное названіе, зная, сколько горя они приносили ротѣ. Затѣмъ слѣдовало такое объясненіе: «слышь, молодцы! какъ только скомандую: «первая! — всѣ стрѣлочки сюда, а «шушваль» — вали во вторую; да живо у меня, не зѣвай! каждый намѣть глазомъ мѣсто свое въ полуротѣ». Сзади ставились унтеръ-офицеры, которые всѣмъ опаздывающимъ давали подзатыльники; когда искусство подмѣна было доведено до той степени, которая, по соображеніямъ Егорыча, уже годилась для смотра, быстрый глазъ его все-таки подмѣчалъ солдата, который прибѣгалъ послѣднимъ; къ такому человѣку Егорычъ всегда подходилъ съ заложенными назадъ руками и прежде, чѣмъ сдѣлать ему отеческое внушеніе, нарочно мучилъ его нѣкоторой медленностью и неизвѣстностью относительно рода и степени предполагаемаго внушенія.

На смотру громко отдавалось приказаніе: «вторыя полуроты такихъ то ротъ на линію!» Это приказаніе повторялось баталіонными командирами; но Егорычъ уже слышалъ его изъ первыхъ устъ, и еще до команды баталіоннаго командира тихо командовалъ: «вторая!» Въ одно мгновеніе во второй полуротѣ занимали мѣста лучшіе стрѣлки, и она, уже готовая, еще съ

вечера акуратно разсчитанная, бойко выводилась на линію. Вся процедура подмѣна казалась издали простымъ шевеленіемъ и не замѣчалась инспектирующимъ начальствомъ. Ротный командиръ все это видѣлъ, но онъ въ черное дѣло не вмѣшивался. Пожималъ плечами только молодой недавно вышедшій офицеръ, но и его капитанъ старался увѣрить, что «Егорычъ тамъ уже знаетъ, что нужно дѣлать, а мы съ вами только напутаемъ, если вмѣшаемся».

Этому молодому офицеру суждено было явиться главнымъ гонителемъ Егорыча, сначала осторожно, чтобы не портить репутаціи своего благодушнаго ротнаго командира, а затѣмъ и напрямикъ, когда самъ офицеръ являлся отвѣтчикомъ за роту.

Появленію въ большомъ процентѣ офицеровъ-работниковъ способствовали всѣ реформы прошлаго царствованія, не только военныя, но и общія, не исключая и отмѣны крѣпостнаго права; главнымъ же образомъ ихъ выдвинулъ спросъ въ арміи на интеллигентныя силы, давшій имъ сразу сложную и отвѣтственную работу по воспитанію и образованію новаго солдата. Съ другой стороны, преобразованіе военно-учебныхъ заведеній много способствовало подготовкѣ офицеровъ-работниковъ: военная гимназія, при всѣхъ ея недостаткахъ, во всякомъ случаѣ не прошла даромъ: вмѣсто прежнихъ наставниковъ, изъ которыхъ многіе стѣснялись при воспитанникахъ писать, чтобъ не быть пойманными на буквѣ «ѣ»,—вмѣсто наставниковъ, между которыми бывали и такіе добродушные люди, которымъ кадеты чертили мѣломъ чертиковъ на спинѣ, а по ночамъ ставили «гусара», явились наставники образованные, вліяніе которыхъ не замедлило обнаружиться на самодѣятельности офицера. Конечно многіе изъ нихъ (штатскіе), какъ невѣжды въ военномъ дѣлѣ, не могли развивать въ дѣтяхъ симпатію къ ихъ будущей службѣ и даже старались иногда въ обратномъ направленіи, осмѣивая военную муштровку, но человѣка все-таки не испортили (за весьма немногими исключеніями, которыя можно даже пересчитать). Только теперь мы будемъ получать офицера изъ рукъ самаго подходящаго воспитателя, не только образованнаго, но и военнаго, для котораго война и всѣ виды стремленія къ ней не представляются однимъ лишь безусловнымъ соціальнымъ зломъ,

а, напротивъ, имѣютъ свои свѣтлыя стороны и положительные идеалы.

Мы не будемъ говорить о военныхъ училищахъ, которыя давно уже признаны весьма цѣлесообразными; замѣтимъ только, что прекрасная теоретическая подготовка въ этихъ училищахъ все-таки не даетъ намъ офицера-мастера: юнкеръ слишкомъ мало занимается практикой, и потому, будучи свѣдущъ въ военныхъ наукахъ, умѣя управлять на картѣ большими отрядами, строить крѣпости-лагери и т. д., онъ часто теряется не только на тактическомъ, но и на простомъ ротномъ ученьи, а къ солдату всегда подходитъ конфузясь и только въ полку начинаетъ вырабатывать въ себѣ манеру преподавать.

Итакъ новый офицеръ сразу встрѣтилъ въ войскахъ работу. Эта работа, въ связи съ нѣкоторою самостоятельностью сужденій, вынесенной офицеромъ изъ хорошаго учебнаго заведенія, спасла его отъ тѣхъ барскихъ увлеченій, которыя служили большой приманкой прежнимъ молодымъ людямъ. Покоряясь безусловно войсковымъ традиціоннымъ требованіямъ, касающимся высшихъ достоинствъ офицера, чести его мундира, — требованіямъ, которыя всегда были и будутъ въ нашей арміи, иначе она не имѣла бы хорошей славы, — новый офицеръ не могъ, однако, не отнестись иронически къ образу жизни и особенно къ искусственнымъ манерамъ, такъ называемыхъ «моншеровъ», полковыхъ аристократовъ и другихъ благодушествующихъ лицъ, совершенно счастливыхъ своею бальной и трактирной жизнью. Эти праздные, въ большинствѣ случаевъ мало образованные люди, когда-то задававшіе тонъ офицерскимъ обществамъ, казались ему не только смѣшными, но даже непріятными и жалкими въ своихъ запоздалыхъ стремленіяхъ къ первенству, основанныхъ на подражаніи уже отживающей въ то время модѣ на искусственныя аристократическія манеры: онъ не могъ видѣть безъ смѣха солиднаго, иногда даже пожилаго, офицера, по внѣшности совершенно приличнаго, который изо всѣхъ силъ старался изящно картавить даже при разговорѣ съ фельдфебелемъ (умѣнье изящно произнести «г», вмѣсто «р», когда-то считалось природнымъ атрибутомъ аристократизма), просиживалъ по цѣлымъ часамъ передъ зеркаломъ, не разставаясь съ ногтяной щеткой, вѣстоваго звалъ не «вѣстовой», а «челаэкъ» (человѣкъ) и т. д. Съ гораздо бо̀льшей симпатіей отнесся этотъ молодой офицеръ къ людямъ совершенно простымъ, которые не стремились что нибудь особенное изъ себя изобразить и очевидно находились подъ давленіемъ аристократіи. Эти добрые люди, къ которымъ, между прочимъ, принадлежалъ и командиръ той роты, гдѣ служилъ описанный нами Егорычъ, по крайней мѣрѣ искренно сознавали всѣ свои недостатки, за исключеніемъ праздности; въ этомъ недостаткѣ они ни за что не сознавались, будучи твердо увѣрены, что въ выслушиваніи продолжительныхъ вечернихъ докладовъ фельдфебеля и въ разносѣ роты послѣ всякаго замѣчанія высшаго начальника заключается добросовѣстное исполненіе именно тѣхъ главныхъ обязанностей, которыя налагаетъ на ротнаго командира военная служба.

Эта масса самаго искренняго добродушія стараго ротнаго командира, въ общечеловѣческомъ смыслѣ, не могла не возбуждать къ нему симпатіи со стороны молодаго офицера, который вступалъ въ новую войсковую школу уже въ качествѣ настоящаго работника; а потому этотъ офицеръ берегъ своего капитана и всегда радовался не только заслуженнымъ успѣхамъ роты, которымъ онъ самъ много содѣйствовалъ, но и успѣхамъ незаслуженнымъ, которые въ предѣлахъ своего вѣдѣнія устраивалъ Егорычъ. Роль Егорыча, конечно уменьшилась, но онъ не могъ сидѣть безъ дѣла, а главное — онъ не вѣрилъ въ возможность правдивой подготовки къ смотру, которой добивался офицеръ, и потому сталъ мѣшать заниматься офицеру, устраивая негласную школу. Это и послужило, главнымъ образомъ, причиной тому гоненію, которому подвергся фельдфебель стараго типа со стороны офицера-работника.

Справедливость требуетъ указать и на третій типъ стараго ротнаго командира, а именно — на командира-работника, о которомъ мы уже сказали выше. Этотъ офицеръ умудрялся дѣлать свое дѣло при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, когда каждый Егорычъ могъ перещеголять его на смотрахъ своими фокусами; за то въ новой школѣ онъ явился полнымъ хозяиномъ, вошелъ въ нее своимъ человѣкомъ и сразу сталъ въ самыя нормальныя,

какъ служебныя, такъ и товарищескія отношенія съ молодымъ офицеромъ-работникомъ. Роты, въ которыхъ сошлись такіе офицеры, служили въ нашей арміи первыми разсадниками того раціональнаго воспитанія солдата, которое и теперь годъ отъ года совершенствуется; а командиры этихъ замѣчательныхъ по тому времени ротъ служатъ и нынѣ въ лицѣ достойнѣйшихъ изъ современныхъ войсковыхъ начальниковъ, въ то время, какъ ихъ товарищи «моншеры» и вообще праздные люди давно уже удалились на пенсію и если гдѣ нибудь встрѣчаются, то уже, какъ рѣдкость, на которую всѣ обращаютъ вниманіе. Новая школа, вызванная къ жизни благими военными реформами, замѣчательно скоро вступила въ свои права.

II.

Много было любопытнаго въ нѣкоторыхъ изъ войсковыхъ школъ въ то время, когда офицеръ вступилъ въ нихъ настоящимъ работникомъ. Прежде всего онъ замѣтилъ, что во всѣхъ стремленіяхъ стараго фельдфебеля, или такъ называемаго Егорыча, въ рукахъ котораго иногда находилась вся одиночная выправка солдата и вообще всѣ занятія въ казармахъ, подготовка къ бою занимала второстепенное мѣсто и, можетъ быть, рѣдко даже приходила на умъ этому выдающемуся руководителю старой школы, который только и думалъ о томъ, чтобы разными ловкими способами угодить строгому, но не всегда дальновидному начальству. Кромѣ спеціальной подготовки къ смотрамъ, гдѣ Егорычъ, какъ мы уже замѣтили, былъ замѣчательный мастеръ своего дѣла, принимались всевозможныя мѣры, чтобы случайно пришедшее въ роту начальство находило бы въ ней образцовый порядокъ. Во главѣ порядка Егорычъ совершенно правильно ставилъ присутствіе на занятіяхъ своего ротнаго командира, а потому наряжался особый человѣкъ, самый шустрый изо всей роты, который долженъ былъ «духомъ», какъ выражался фельдфебель, давать знать ротному командиру о томъ, что начальство пошло по казармамъ. Этотъ человѣкъ не участвовалъ въ занятіяхъ и былъ постоянно одѣтымъ, какъ для выхода со двора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

онъ высылался, какъ бы на аванпосты, въ крайнюю роту, откуда можно было ожидать появленія начальства; но и это было лишнее, ибо во всѣхъ ротахъ существовалъ обычай моментально передавать сосѣдямъ о появленіи начальствующихъ лицъ посредствомъ характернаго шиканья или такъ называемаго солдатскаго телеграфа. Заслышавъ такой телеграфъ, сторожевой ефрейторъ изо всѣхъ силъ пускался бѣжать къ ротному командиру и возвращался въ роту запыхавшись: ему еще нужно было переодѣться и стать на занятія. Если же ротнаго командира не заставали дома, то за нимъ летѣлъ деньщикъ на извозчикѣ, который въ такихъ случаяхъ нанимался безъ торга и потому гналъ лошадь изо всей силы; нѣсколько такихъ извозчиковъ, галопирующихъ съ сѣдоками-офицерами, иногда можно было замѣтить во время обхода казармъ начальствующимъ лицомъ.

Затѣмъ наряжались особые люди, которые, заслышавъ солдатскій телеграфъ, бросали на время занятія и съ необыкновенной быстротой приводили все въ порядокъ: одни изъ нихъ посыпали пескомъ лѣстницу, другіе вытирали вспотѣвшія окна, третьи убирали соръ на полу, оправляли солдатскія кровати, открывали форточки и т. д. У каждаго солдата хранилось наготовѣ особое, никогда не употребляемое полотенце, которое мигомъ вывѣшивалось вмѣсто грязнаго при обходѣ казармъ начальникомъ.

Все это касалось чистоты помѣщенія; но и въ самихъ занятіяхъ происходила нѣкоторая очистка, отвѣчающая капризамъ начальника, которые Егорычъ изучалъ въ совершенствѣ. Однажды молодой офицеръ, принявшій въ завѣдываніе одиночную выправку, услыхалъ мигомъ пронесшееся по казармамъ шиканье, возвѣщавшее о приходѣ начальника дивизіи; не успѣлъ онъ оглянуться, какъ уже половина его команды разбѣжалась убирать помѣщеніе, а остальные переодѣвались въ рубашки и тащили «кобылу» (въ то время гимнастика была въ модѣ и почему то особенное вниманіе обращалось на «кобылу»). Егорычъ все это твердо зналъ и даже дѣлалъ репетиціи, пріучая людей «духомъ» переодѣваться въ чистыя рубашки и ставить любимую начальникомъ машину.

— Кто велѣлъ? что это значитъ? сейчасъ же собрать людей! закричалъ офицеръ.

Но люди, привыкшіе къ такимъ случаямъ, уже сами собрались къ гимнастикѣ и, къ удивленію офицера, всѣ были чисто и аккуратно одѣтыми; нѣкоторые даже успѣли примочить волосы и пригладить ихъ щеткой, которая нарочно для этого хранилась въ ящикѣ при ротномъ зеркалѣ.

Егорычъ, какъ человѣкъ дисциплинированный, стоялъ передъ офицеромъ вытянувшись и вѣжливо-спокойнымъ тономъ отвѣчалъ на сдѣланныя ему замѣчанія.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь доложить, что ротный командиръ давно уже безпокоятся насчетъ гимнастики: давеча ихъ превосходительство изволили замѣчаніе сдѣлать, что мало занимаемся на «кобылѣ»...

— Но ты долженъ былъ доложить, — я бы самъ распорядился...

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе: такъ что я не осмѣлился...

Офицеръ не отмѣнилъ этого распоряженія, боясь затронуть интересы ротнаго командира. Взглянувъ на людей, онъ замѣтилъ, что троихъ изъ нихъ не было.

— Гдѣ же остальные? спросилъ онъ у Егорыча.

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, — они еще не могутъ перепрыгнуть.

— Ну, да, я знаю. Что же ты сдѣлалъ съ ними?

— Я имъ велѣлъ подъ лѣстницу спрятаться.

— Что за вздоръ! зачѣмъ?

— Опасаюсь, чтобы замѣчанія не было.

Послѣднее распоряженіе фельдфебеля показалось офицеру настолько дикимъ, что онъ тотчасъ же велѣлъ его отмѣнить и доложилъ объ этомъ явившемуся въ это время ротному командиру.

— Прятать людей дѣйствительно неловко, сказалъ капитанъ какъ бы съ неудовольствіемъ,—но онъ (фельдфебель) тамъ уже знаетъ, какъ все это сдѣлать, чтобы все было въ порядкѣ и чтобы начальство роту не бранило... Онъ на этотъ счетъ уже опытный.

Офицеръ почувствовалъ себя неловко: онъ понялъ, что онъ

нарушилъ старинные обычаи роты и спокойствіе своего ротнаго командира, простаго и добраго человѣка, къ которому онъ питалъ симпатію. Такъ можно распоряжаться только тогда, когда за роту отвѣчаешь самъ. Онъ хотѣлъ уже вернуть бѣглецовъ въ мѣсто ихъ укрывательства, но было поздно: въ роту вошелъ начальникъ дивизіи въ сопровожденіи командира полка.

— Вотъ въ этой ротѣ замѣчательная чистота, сразу замѣтилъ генералъ, — мнѣ очень нравится, что люди вытираются такими чистыми полотенцами. Очень хорошо, обратился онъ къ капитану.

Капитанъ поклонился.

— Молодецъ, фельдфебель! кивнулъ генералъ Егорычу.

— Радъ стараться, ваше превосходительство! четко отчеканилъ Егорычъ по старинному, ударяя на послѣднемъ слогѣ.

— А! вотъ и кобыла! замѣтилъ генералъ свою любимую машину.—Ну-ка, ну-ка,— покажите, какъ вы прыгаете.

Егорычъ характерно кашлянулъ и сдѣлалъ незамѣтный для начальства энергическій жестъ, по которому началась гимнастика. Передніе ефрейторы перепрыгнули артистами, рядовые тоже старались другъ друга превзойти. Уже начальникъ хотѣлъ выразить въ полной мѣрѣ свое удовольствіе и даже немножко повернулся и приподнялъ руку, чтобы подать ее капитану, который это замѣтилъ и уже приблизился къ генералу для рукопожатія, какъ вдругъ дошла очередь до троихъ бѣглецовъ: первый изъ нихъ разбѣжался изо всей силы, ударился животомъ о кобылу и, глупо улыбаясь, пошелъ назадъ. Егорыча передернуло. Второй съ неимовѣрными усиліями вскочилъ въ сѣдло и долго тамъ барахтался, не умѣя, какъ слѣдуетъ, выпрыгнуть, потомъ неловко, не по солдатски, тоже пошелъ назадъ. Третій сдѣлалъ то же самое. У Егорыча глаза налились кровью; онъ не могъ себѣ простить, что не сдѣлалъ этимъ людямъ репетиціи: имъ вовсе не слѣдовало уходить назадъ и прыгать вторично, увеличивая непріятное впечатлѣніе, а они, какъ нарочно, прыгали по три раза, что въ суммѣ составляетъ вмѣсто трехъ девять неудачныхъ прыжковъ. Только характерный кашель фельдфебеля, предупреждающій о неминуемой грозѣ, заставилъ ихъ смутиться, и они остановились, не зная что дѣлать.

Генералъ разсѣянно посмотрѣлъ на этихъ людей и ушелъ изъ роты, не сказавъ ни слова. Еслибы онъ сдѣлалъ выговоръ ротѣ, вообще остался бы недоволенъ всѣмъ, дурное впечатлѣніе не было бы такъ рѣзкимъ, какъ оно было въ этомъ случаѣ: здѣсь благодарность была уже, такъ сказать, въ рукахъ; всѣ приготовились достойнымъ образомъ восчувствовать успѣхъ,—и вдругъ три отсталыхъ солдата испортили все дѣло.

Рота стояла смущенной; офицеръ чувствовалъ себя неловко; Егорычъ что-то ворчалъ и незамѣтно отъ офицеровъ показывалъ отсталымъ людямъ кулакъ. Капитанъ съ минуту находился въ недоумѣніи.

— Что же это, Егорычъ? накинулся онъ вдругъ на фельдфебеля:—мнѣ, что-ли, ихъ обучать? Это вовсе не мое дѣло!.. Котораго они взвода?

Затѣмъ капитанъ началъ распекать взводныхъ, а взводные, по уходѣ офицеровъ, устроили отсталымъ людямъ такую негласную репетицію, что они вечеромъ не могли подняться на лѣстницу и потому отказались отъ ужина.

Послѣ этого и многихъ подобныхъ случаевъ офицеръ пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ быть полнымъ распорядителемъ своего отдѣла занятій, что для этого нужно измѣнить всю систему управленія ротой, которой онъ, въ качествѣ субалтернъ-офицера, не имѣетъ права даже касаться. При такихъ условіяхъ работать было трудно: нельзя было и думать о томъ, чтобы прямо стремиться къ той главной цѣли, для которой солдатъ призывается на службу; объ этой цѣли думало, конечно по мѣрѣ своихъ силъ, инспектирующее начальство; но на низшихъ ступеняхъ войсковой школы, гдѣ являлись главными распорядителями Егорычи, дѣйствующіе именемъ своихъ благодушныхъ командировъ, всякіе толки о такой цѣли считались праздными разговорами, надъ которыми настоящіе «дѣльцы», умѣющіе показывать фокусы на смотрахъ, всегда подтрунивали.

Итакъ новому офицеру приходилось на первыхъ порахъ ограничиваться только нѣкоторымъ улучшеніемъ способовъ преподаванія, уничтоженіемъ грубыхъ старинныхъ пріемовъ, выработанныхъ своеобразной солдатской педагогикой.

Такъ стояло дѣло до тѣхъ поръ, пока не явились новые предметы занятій, вызвавшіе усиленный спросъ на участіе въ дѣлѣ военной интелигенціи. Грамотность, стрѣльба изъ скорострѣльной винтовки, а затѣмъ и работа по обученію новобранцевъ — все это оказалось не подъ силу Егорычамъ, которые уступили свое мѣсто въ войсковой школѣ молодымъ офицерамъ. Для офицера открылась дорога къ правильной служебной репутаціи, которая основывалась уже не на случаѣ, а на общемъ достоинствѣ его трудовъ. Было время, когда за какой нибудь косо пришитый крючекъ на солдатскомъ галстукѣ отличный офицеръ могъ имѣть большія и трудно поправимыя непріятности на инспекторскомъ смотру. Конечно, это было не вездѣ, но все таки было возможно. Теперь это немыслимо: современный командиръ отдѣльной части (дѣятельный) знаетъ до мельчайшихъ подробностей службу своихъ офицеровъ, и не только за крючекъ, но и за болѣе серьезные недосмотры не дастъ погибнуть репутаціи офицера, если только онъ дорожитъ имъ въ общемъ, какъ честнымъ и полезнымъ работникомъ на пользу полка. Въ прежнее время только выдающіеся войсковые дѣятели держались того принципа, что къ смотру надо готовиться не за мѣсяцъ, а за цѣлый годъ, и потому хлопотали о томъ, чтобы дѣятельность ихъ офицеровъ не принаравливалась бы къ смотровымъ капризамъ, а направлялась бы къ законнымъ и общимъ для всей арміи цѣлямъ. Теперь этотъ знаменательный поворотъ въ военно-воспитательномъ дѣлѣ чувствуется сильнѣе и даетъ ходъ честнымъ и способнымъ дѣятелямъ, которые находятъ недостойнымъ и даже лишнимъ что нибудь скрывать отъ начальства; да и сами начальники теперь уже не очень даютъ себя обманывать на смотрахъ; а есть между ними и такіе, которымъ хорошо извѣстна, какъ говорится, вся подноготная войсковой школы, и которые, къ великому удивленію и даже ужасу Егорычей, иногда просто отказываются смотрѣть показныя стороны дѣла, требуя, чтобы имъ показывали весь ходъ образованія солдата въ ротѣ.

Послѣ такого поворота Егорычъ долго не могъ опомниться; онъ рѣшительно не вѣрилъ въ успѣхъ правдивой подготовки роты и очень удивлялся, когда новое начальство не только не бранило офицера за отсталыхъ людей, которыхъ онъ не скры-

валъ, а напротивъ—очень внимательно выслушивало объясненія причинъ отсталости, нисколько при этомъ не гнѣваясь и не употребляя обычныхъ старинныхъ выраженій: «я знать ничего не хочу! чтобы у меня отсталыхъ не было! чтобы у меня все было въ порядкѣ! не извольте разсуждать!» и т. д.

Не могъ также Егорычъ понять, почему начальство находитъ хорошей законнымъ способомъ приготовленную варку, которая никуда не годится противъ прежней, приготовлявшейся съ разными хитрыми уловками; но особенно казалось ему страннымъ, что новое начальство не обращаетъ никакого вниманія, напримѣръ, на красный песокъ на каменныхъ площадкахъ и лѣстницахъ, который хранился какъ драгоцѣнность и расходовался только подъ ноги тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право отдавать въ приказахъ благодарности; все же остальное время лѣстницы были настолько скользкими зимой, что идущіе на обѣдъ солдаты разбивали себѣ носы. Когда же начальство сдѣлало замѣчаніе, что такой песокъ дорогъ и что лучше для посыпки лѣстницъ употреблять желтый песокъ, Егорычъ просто развелъ руками: «ничѣмъ не угодишь нынѣшнему начальству... Прежніе начальники дивизіи—тѣ, бывало, похвалятъ, полюбуются, а эти еще замѣчаніе дѣлаютъ»...

Всѣмъ Егорычъ былъ недоволенъ; ничто въ ротѣ не дѣлалось, какъ онъ хотѣлъ.

«И что это за господа нынче пошли, ворчалъ старикъ: вездѣ суются; сами шеренгу обучаютъ; а главное—учатъ-то, учатъ, не тому, что слѣдуетъ... Пропадетъ рота, одно слово—конецъ!»...

Но рота не пропадала, а выучивалась гораздо скорѣе, и выучивалась тому, чему Егорычъ не могъ уже обучать самостоятельно. Когда же начальникъ дивизіи на инспекторскомъ смотру, вмѣсто ружейныхъ пріемовъ, сталъ смотрѣть другія вещи, то Егорычъ рѣшительно усомнился въ томъ, что въ данную минуту онъ служитъ въ военной службѣ.

Вечерніе доклады Егорыча стали отличаться минорнымъ тономъ, и онъ началъ уже подумывать объ уходѣ со службы, ревнуя новое начальство къ тому молодому и въ его глазахъ ничего не значащему унтеръ-офицеру, который быстро освоился съ новыми требованіями и сталъ мѣтить въ фельдфебеля. Главное

же горе Егорыча заключалось въ томъ, что «они» (его обожаемый капитанъ) все болѣли, а ротой за «нихъ» командовалъ подпоручикъ.

— Ваше высокоблагородіе! жалобно обратился Егорычъ къ своему капитану:—такъ что я, значитъ, и прежде и по сіе время завсегда старался съ усердіемъ служить вашему высокоблагородію... Завсегда генералъ на смотру насъ хвалили... и опять же наша рота была изъ первыхъ...

— Ты къ чему это ведешь, Егорычъ? съ безпокойствомъ спросилъ капитанъ.

— Ваше высокоблагородіе! явите божескую милость: увольте меня...

— Богъ съ тобой! что ты, Иванъ Егорычъ? Вѣдь ты знаешь, что я къ тебѣ привыкъ... Сколько ужъ лѣтъ... ты понимаешь,—сколько ужь лѣтъ мы прослужили вмѣстѣ... Наконецъ, ты знаешь,—я всегда тебя любилъ... Ты просто обидишь меня...

Егорычъ не выдержалъ; по суровому лицу его покатились слезы. Капитанъ глядя на него, тоже прослезился.

— Ваше высокоблагородіе!.. да Господи!.. да я для васъ всѣми силами готовъ стараться, поколь живъ...

— Ну, вотъ и хорошо, сказалъ капитанъ,—у тебя есть свое особое дѣло: ну—тамъ порядокъ въ ротѣ и все прочее... Вѣдь теперь все по новому; я самъ, признаться, до этого не охотникъ... А что касается занятій, ну—будешь тамъ помогать офицеру... вѣдь офицеръ у насъ хорошій... а? какъ ты думаешь?

— Что и говорить, ваше высокоблагородіе,—ужь такъ службу знаютъ, что лучше и нельзя; а только, что не ихъ это дѣло... Опять же смотръ, значитъ, будетъ; не все же будутъ новыя занятія спрашивать на смотру, — спросятъ и старыя... надо всячески подрепетить роту, а «они» (подпоручикъ) ни до чего не допущаютъ, все сами занимаются. Очень я нынче опасаюсь, чтобы замѣчанія не было.

— Ну, тамъ, что можно, то и сдѣлаешь.

И вотъ Егорычъ дѣлаетъ то, что можно: онъ устраиваетъ ротѣ негласныя вечернія занятія, поставивъ на значительное разстояніе двухъ сторожевыхъ ефрейторовъ, которымъ вмѣняетъ въ обязанность прикрывать роту отъ внезапнаго прихода командую-

щаго ею молодаго офицера; но офицеръ ловитъ одного изъ этихъ ефрейторовъ.

— Семеновъ! ты что здѣсь дѣлаешь, въ чужой ротѣ?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе... я, ваше высокоблагородіе... я къ земляку...

— Къ земляку? къ какому земляку?

— Издѣсь, у 5-й ротѣ, солдатикъ изъ одной деревни...

— А зачѣмъ же ты убѣгалъ, когда меня увидѣлъ?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе.

— Ты хотѣлъ предупредить роту? у васъ навѣрно какія нибудь занятія?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ робкимъ, дрожащимъ голосомъ всегда бравый и шустрый ефрейторъ.

Пойманный съ поличнымъ Егорычъ стоялъ на вытяжку передъ внезапно вошедшимъ офицеромъ.

— Что это у васъ за занятія?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе: хотѣлъ маленько къ смотру подрепетить,—опасаюсь, чтобы замѣчанія не было.

— Пусть будетъ тридцать замѣчаній, но чтобы безъ моего вѣдома никогда и никакихъ занятій не было, и чтобы люди къ землякамъ въ чужія роты не разсылались... Стыдно, Егорычъ! я тебя молодцомъ считаю, отношусь къ тебѣ съ уваженіемъ, а ты такими глупостями занимаешься!

Послѣ этой и еще нѣсколькихъ подобныхъ сценъ Егорычъ совсѣмъ притихъ; въ немъ какъ-то сразу погасла энергія, и онъ сталъ смирнымъ даже въ отсутствіе офицера. Кто видѣлъ его раньше лихимъ, бойкимъ, непреклоннымъ въ своихъ обычныхъ требованіяхъ, тому было жаль его, какъ всякаго старика, лишеннаго власти. Устройство обманныхъ сюрпризовъ начальству было для Егорыча любимымъ и большимъ дѣломъ, наполнявшимъ всю его военную жизнь; это было своего рода искусство, въ которомъ Егорычъ дошелъ до степени замѣчательнаго мастера; понятно, что лишившись всего этого, онъ сталъ чахнуть, скучать, не зналъ куда приложить свои силы, и если остался на службѣ, то только для «нихъ» (ротнаго командира), потому что «они» этого пожелали.

Одинъ только разъ счастье еще улыбнулось Егорычу, и надо было видѣть, какъ онъ сразу поднялся духомъ. Это было въ лагеряхъ. Новый начальникъ дивизіи, который уже удивилъ Егорыча небывалыми требованіями на инспекторскомъ смотру, заболѣлъ, а его мѣсто занялъ помощникъ, поступившій на службу изъ отставки и потому во многомъ поотставшій. Это былъ добрый и вообще прекрасный человѣкъ, котораго очень любили какъ офицеры, такъ и солдаты. «Вотъ эти такъ настоящіе начальники, говорилъ про него Егорычъ,—по крайности знаешь, что они потребуютъ на смотру».

Единственный недостатокъ этого человѣка заключался въ томъ, что онъ отъ новой школы требовалъ слишкомъ много развитія, а суть этого развитія усматривалъ въ молодецкихъ устныхъ отвѣтахъ изъ уставовъ. Въ каждомъ уставѣ были у этого начальника излюбленныя страницы, которыя въ нѣкоторыхъ ротахъ отмѣчались краснымъ карандашемъ. Такъ, напримѣръ, генералъ любилъ спрашивать: «что такое дисциплина?» и когда солдатъ оттрезванивалъ: «дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ военными законами», генералъ его останавливалъ: постой, постой, голубчикъ! я не слышалъ: ты, кажется, пропустилъ слово: «въ точномъ»,—это очень важно, господа, обращался онъ къ офицерамъ: въ этомъ словѣ вся суть дисциплины... уставъ—наука точная» и т. д.

Принявъ дивизію въ лагеряхъ, старичекъ-начальникъ почему-то нашелъ нужнымъ обратить особенное вниманіе на занятія аванпостной службой, которую всегда самъ провѣрялъ, предлагая солдатамъ свои излюбленные вопросы. Порядокъ этихъ вопросовъ хитрый Егорычъ затвердилъ съ перваго же раза, ибо замѣтилъ, что они не шли дальше обязанностей часовыхъ, подчасковъ и начальниковъ пропускныхъ постовъ, особенно по отношенію къ парламентерамъ и перебѣжчикамъ. Были выбраны способнѣйшіе изъ роты люди, которые усердно «репетились» по этимъ вопросамъ подъ руководствомъ ротнаго грамотѣя, Евфимова, знавшаго наизусть весь уставъ (онъ же писарь и пьяница, котораго для составленія отчетности запирали въ цейхгаузъ на нѣсколько дней передъ каждымъ первымъ числомъ, но который однако никогда не подводилъ роту). Под-

готовка была чистая: ни одно уставное слово въ отвѣтахъ не пропускалось.

Въ доброе старое время выходъ на ночь на аванпосты былъ не то, что теперь. Это былъ своего рода пикникъ: у капитана готовилась корзина съ виномъ и закуской, надъ которой старался деньщикъ подъ наблюденіемъ Егорыча. Сидя у капитана въ баракѣ, вы могли слышать, какъ за тонкой деревянной стеной происходила церемонія укладки.

— Ну, поворачивайся! командовалъ Егорычъ — Нѣшто не знаешь, что «они» чай съ лимономъ изволятъ кушать... Да не туда кладешь, — сюда пирожки пойдутъ... Я такъ и зналъ, что ножи забудешь!.. и т. д.

Окончивъ укладку, Егорычъ съ минуту думалъ надъ корзиной, припоминая, что бы еще взять, и когда ничего не припоминалось, плотно закрывалъ крышку. Затѣмъ онъ приподнималъ корзину, хлопалъ по ней рукой, какъ бы испытывая ея прочность, и съ строгимъ жестомъ передавалъ ее деньщику.

— Ну, смотрижь-жь! воронъ у меня не ловить: какъ придемъ на мѣсто, чтобы и ты былъ тамъ, а на походѣ пробирайся сторонкой, подалѣ отъ начальства.

— Начальство не заругаетъ, Иванъ Егорычъ, — давеча командиръ спрашиваетъ: чья корзина? а я говорю: наша съ капитаномъ. Они только засмѣялись; ей-Богу, правда...

— Ну, ладно! поговори еще у меня!

Рота выступила къ мѣсту аванпостовъ въ шесть часовъ вечера, получивъ приказаніе къ девяти часамъ выставить цѣпь. Придя на мѣсто, капитанъ засталъ уже тамъ своего деньщика, который тотчасъ же принялся за самоваръ и сталъ дуть въ него такъ усердно, какъ можетъ быть, никогда въ жизни не дулъ для себя, для своей собственной надобности. Широкоплечій и съ довольно приличнымъ брюшкомъ Егорычъ тоже стоялъ наклонившись надъ самоваромъ, и по временамъ, отстраняя деньщика рукой, выдувалъ туда воздухъ изъ своей могучей груди, какъ изъ кузнечнаго мѣха. Ближайшіе люди помогали колоть щепки. Все это искренно старалось для капитана, потому что онъ никогда никого изъ людей не обидѣлъ дурнымъ словомъ и вообще, какъ выражались про него люди, «они были господа добрые». Въ половинѣ восьмаго нужно было начать разстановку цѣпи. Молодой офицеръ самъ хотѣлъ развести посты и даже мечталъ о томъ, чтобы придать этому занятію должную поучительность; но у капитана какъ разъ въ это время поспѣла яичница, и онъ уговорилъ его остаться ужинать, а Егорычу приказалъ разставить цѣпь приблизительно, съ тѣмъ, чтобы потомъ офицеръ измѣнилъ расположеніе по своему усмотрѣнію. Когда же офицеръ пришелъ послѣ ужина въ цѣпь, то увидѣлъ тамъ слѣдующую картину: вся цѣпь была выставлена по неприступному для «коннаго начальства» болоту, за исключеніемъ пропускнаго поста, выставленнаго на той самой дорогѣ, откуда ожидался командующій дивизіей. На этомъ посту, лихо заломивъ шапку на бекрень, съ веселымъ чувствомъ ожиданія вѣрнаго успѣха, стоялъ за старшаго грамотѣй Евфимовъ, имѣя часовымъ и подчаскомъ лучшихъ изъ своихъ учениковъ. Объ этомъ Евфимовѣ сохранились преданія: говорятъ, будто бы ему перекрашивали усы и передавали его въ другую роту въ качествѣ начальника пропускнаго поста; но намъ кажется, что Егорычи до этого не доходили, и потому мы не расположены вѣрить подобнымъ анекдотамъ.

Не успѣлъ офицеръ распросить въ чемъ дѣло, какъ уже изъ-за кустовъ показалось начальство. Впереди ѣхалъ адъютантъ штаба дивизіи съ штабъ-горнистомъ, долженствующимъ изображать парламентера.

Стой! кто ѣдетъ? началъ часовой, котораго Евфимовъ успѣлъ «подрепетить», завидя начальство. Самъ же онъ притворился отдыхающимъ и вышелъ къ мѣсту происшествія по требованію часоваго. Фельдфебель и офицеръ стояли въ сторонѣ, не мѣшая провѣркѣ.

Евфимовъ все продѣлалъ не торопясь; каждому дѣйствію предпосылалась соотвѣтствующая страничка устава: такъ, напримѣръ, завязывая глаза парламентеру нарочно припасеннымъ для этого чистымъ платкомъ, онъ четко читалъ наизустъ относящійся къ этому дѣйствію параграфъ. Командующій дивизіей, видя такое замѣчательное знаніе устава, пожелалъ убѣдиться, что это не случайность, и сталъ предлагать Евфимову и его ученикамъ рядъ своихъ обычныхъ вопросовъ; когда же люди

отвѣтили безъ малѣйшей ошибки, т. е. не пропуская ни одного слова, онъ просто развелъ руками.

— Чья это рота?

Капитана N, ваше превосходительство, отвѣчалъ офицеръ.

— Очень, очень хорошо! молодцы, ребята! Пусть капитанъ доложитъ командиру полка, что я въ полной мѣрѣ доволенъ... Куда проѣхать къ другимъ постамъ?

— Сюда, ваше превосходительство, отвѣчалъ Егорычъ. — Только осмѣлюсь доложить, что здѣсь очинно топко...

— Ну, хорошо, — я увѣренъ, что и всѣ остальные люди также прекрасно знаютъ... Нѣтъ, — каково? обратился генералъ къ адъютанту, — я думалъ, что хоть подчасокъ собьется, — такъ нѣтъ же, всѣ превосходно отвѣчали. Еще разъ спасибо!..

На другой день командующій дивизіей пріѣхалъ къ обѣду въ полкъ. Капитанъ былъ героемъ дня: только и разговора было, что о его ротѣ. Онъ какъ будто помолодѣлъ, выпрямился и элегантно подходилъ чокаться къ начальству и къ товарищамъ.

— Безъ запинки! понимаете, — безъ запинки! съ восторгомъ отзывался генералъ о Евфимовѣ и его ученикахъ.

Подошелъ капитанъ съ бокаломъ и къ своему офицеру.

— Вотъ видите? вотъ видите? говорилъ онъ, весь сіяя удовольствіемъ. — Я говорилъ вамъ, что вы идеалистъ... А если-бы тамъ другого поставили вмѣсто Евфимова, что бы тогда было — ну-т-ка? Офицеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю, я хочу знать ваше мнѣніе: велика была бы тогда польза для роты?

Офицеръ рѣшительно не зналъ что отвѣчать. Ему было жаль чего-то въ эту минуту, и это «что-то» представлялось ему то ротой, то капитаномъ, то его собственными молодыми силами и горячей, но безплодной любовью къ военной службѣ.

Егорычъ ликовалъ. Ему дали денежную награду, а ротѣ водку. Его радовалъ этотъ неожиданный успѣхъ въ новой школѣ, которую онъ мечталъ уже прибрать въ руки; но это были его послѣднія надежды: онъ скоро сошелъ со сцены вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ и съ тѣмъ старичкомъ-начальникомъ, который хвалилъ ихъ роту за хорошую службу. Такимъ образомъ кон-

чилась старая школа, но отпрыски ея, какъ хорошіе, такъ и дурные, живутъ и до сихъ поръ, то помогая, то мѣшая современному развитію войскъ.

Подводя итоги старымъ порядкамъ, мы были бы крайне несправедливы, еслибы подвергли ихъ безусловному осужденію. Рядомъ съ Егорычемъ, его ротнымъ командиромъ и худшимъ изъ начальниковъ дивизій мы могли бы привести и замѣчательныхъ военныхъ дѣятелей того времени; но мы не задавались такимъ полнымъ очеркомъ; мы хотѣли только показать читателю, что какъ въ Егорычѣ, такъ и въ его слабыхъ начальникахъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, есть глубоко симпатичныя черты, за которыя нельзя не помянуть ихъ добрымъ словомъ; не имъ ли мы обязаны той глубокой привязанностью солдата къ своему десяточному, фельдфебелю и даже къ командиру-барину, которую не всегда можно встрѣтить даже теперь. А малая-ли вещь такая привязанность? не она-ли давала славу нашимъ войскамъ, удерживая ихъ въ севастопольскихъ бастіонахъ въ то время, какъ двѣ трети изъ нихъ шли на вѣрную смерть?

Состоя приверженцемъ новой школы, которая обставила солдата законными требованіями, ввела порядокъ въ войсковомъ хозяйствѣ, выработала разумные методы обученія и т. д., мы все-таки должны сказать, что эта школа ничего бы не стоила, еслибы она не воспитывала начальниковъ, далеко оставившихъ за собою Егорыча въ умѣніи брать въ руки людей, т. е. въ высшемъ значеніи слова «начальникъ». Но всѣ-ли современные начальники въ этомъ отношеніи опередили Егорыча? Намъ кажется, что не всѣ. Кто мыслилъ о своемъ дѣлѣ, кто наблюдалъ и изучалъ солдата, тотъ навѣрно согласится съ нами, что голымъ исполненіемъ росписаній и инструкцій, какъ бы оно ни было честно и разумно, какъ бы оно ни дѣлало офицера юридически правымъ, нельзя сколотить лихой, преданной своему начальнику роты: для этого еще нужна искренняя любовь къ солдату, нужно сердце въ такой же мѣрѣ, какъ и разумъ.

Человѣкъ мало развитой, не углубляющійся во внутренній смыслъ дѣла и дающій фактамъ только поверхностную оцѣнку,

никогда не пойметъ, напримѣръ, такой простой вещи: солдатъ прежде всего — «просто человѣкъ» и затѣмъ уже — «человѣкъ военный». Кто съумѣетъ овладѣть «просто человѣкомъ», тому уже, при извѣстномъ знаніи и настойчивости, ничего не стоитъ овладѣть «человѣкомъ военнымъ».

Вотъ этимъ-то «просто человѣкомъ» Егорычъ владѣлъ въ совершенствѣ; онъ держалъ его, какъ говорится, въ кулакѣ; могъ его двигать куда угодно, и если двигалъ не туда, куда слѣдуетъ, то виноватъ не онъ, а то добродушное начальство, которое, во-первыхъ, позволяло себя обманывать, во-вторыхъ — иногда ставило ровно пришитые крючки на галстукахъ выше первѣйшихъ достоинствъ солдата. Самая хитрость солдата, преданнаго Егорычу, искусно покрывающаго его грѣхи, могла бы быть обращена тѣмъ же Егорычемъ въ превосходное боевое качество, еслибы ей отвѣчали разумныя требованія начальства. Такъ и было во многихъ ротахъ; но описаніе этихъ замѣчательныхъ ротъ прежняго времени мы откладываемъ до другой замѣтки.

Теперь начальство рѣдко даетъ себя обманывать, и требованія его, за весьма немногими исключеніями, стали разумными, но владѣетъ-ли современный ротный командиръ солдатомъ въ такой степени, какъ владѣлъ имъ Егорычъ? Опять повторяемъ, — не всегда: можно быть честнымъ, дѣятельнымъ и разумнымъ ротнымъ командиромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовать, что вы солдату чужой человѣкъ, что у васъ рота не столько похожа на семью, сколько на фабрику, которою завѣдуетъ честный, толковый, но совершенно чуждый по духу рабочимъ хозяинъ.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что сравнивая старую школу съ новой, мы беремъ Егорыча и современнаго ротнаго командира, который, можно сказать, отчасти принялъ отъ Егорыча обученіе и воспитаніе солдата на низшихъ основныхъ его ступеняхъ. Конечно и въ старое время были ротные командиры, которые сами руководили обученіемъ солдата, но оцѣнка ихъ дѣятельности не входитъ въ программу нашей замѣтки: мы только хотимъ выставить хорошія и дурныя стороны своеобразной солдатской педагогики прежняго времени и сравнить ее съ современнымъ воспитаніемъ солдата въ ротѣ. Мы хотимъ наглядно показать, что наряду съ высокими достоинствами современной школы замѣчаются и большіе недостатки, которыхъ не было даже тогда, когда во главѣ школы стоялъ человѣкъ простой, руководившійся въ своихъ дѣйствіяхъ не заранѣе выработанной системой, а простымъ человѣческимъ чутьемъ. Для наглядности сравнимъ дѣйствія этого человѣка съ дѣйствіями того изъ современныхъ ротныхъ командировъ, который основываетъ свой авторитетъ въ ротѣ на одномъ лишь педантичномъ исполненіи росписаній и инструкцій и забываетъ о томъ, что имѣетъ дѣло съ живымъ матеріаломъ, которымъ прежде всего надо овладѣть въ смыслѣ духа.

Есть командиры, по виду очень дѣльные, которые совершенно серьезно воображаютъ, что достаточно накормить солдата, обставить его трудъ законными требованіями, налагать на него только законныя взысканія и т. д., чтобы этотъ человѣкъ тотчасъ же сталъ васъ обожать. Дѣйствительно, — съ перваго взгляда кажется, что всѣ симпатіи солдата, избавленнаго отъ разныхъ обидъ со стороны руководителей старой школы, тотчасъ же должны обратиться къ офицеру, который заступился за его права; но такое заключеніе не всегда вѣрно: во-первыхъ — вы можете все это продѣлывать нисколько не любя солдата, а любя только собственную служебную репутацію, и этой нелюбви вы никогда не скроете: каждое ваше дѣйствіе, каждый вашъ жестъ и даже взглядъ будетъ показывать солдату, что вы ему совершенно чужой человѣкъ; во-вторыхъ — есть высшія, общечеловѣческія обиды, которыхъ не въ состояніи предусмотрѣть никакая инструкція и которыя угнетаютъ солдата гораздо больше, чѣмъ урѣзываніе порцій или какія нибудь незаконныя требованія начальника. Самый честный и просвѣщенный начальникъ, самъ того не замѣчая и даже считая себя благодѣтелемъ своихъ подчиненныхъ, непремѣнно будетъ наносить солдату такія обиды, если въ его дѣятельности мало участвуетъ сердце. Въ чемъ же заключаются эти высшія обиды? Онѣ заключаются главнымъ образомъ въ пренебреженіи къ подчиненному, какъ къ человѣку; въ оскорбительномъ тонѣ обращенія съ нимъ; въ равнодушіи къ его простымъ человѣческимъ нуждамъ, не предусмотрѣннымъ инструкціей; въ брезгливомъ отношеніи къ его простому (по вашему — грубому) нраву, обычаямъ и національнымъ привычкамъ.

Кто наноситъ солдату такія обиды, тотъ никогда не можетъ разсчитывать на его преданность. Какъ на великій историческій примѣръ преданности подчиненныхъ начальнику, можно указать на преданность солдатъ Суворову, но кто же больше этого великаго военнаго педагога уважалъ нравъ, обычаи и національныя привычки солдата? Это уваженіе доходило до того, что Суворовъ самъ жилъ солдатскою жизнью и любилъ эту жизнь, находя въ ней много увлекательнаго, эстетическаго, совершенно непонятнаго для тѣхъ начальниковъ, которые не стремятся стать близко къ солдату, какъ къ человѣку. Конечно, идеалъ обращенія съ солдатомъ, завѣщанный намъ Суворовымъ, доступенъ только людямъ избраннымъ, но дурной тотъ начальникъ, который, какъ говорится, питаясь однѣми инструкціями, остается совершенно равнодушнымъ къ этому идеалу. Мы думаемъ, что Егорычъ — этотъ педагогъ-самородокъ — стоитъ неизмѣримо выше такого начальника: онъ обсчитывалъ роту, предъявлялъ солдату незаконныя требованія и вообще дѣлалъ многое, что слѣдуетъ жестоко преслѣдовать въ войскѣ, но за то рота была у него крѣпко сплоченной семьей, которая, какъ говорится, не выдастъ своего начальника. Про Егорыча можно было навѣрно сказать, что рота въ бою отъ него не отстанетъ, что если его убьютъ, то люди помянутъ его добрымъ словомъ, какъ близкаго человѣка, и сохранятъ о немъ хорошія преданія. Неужели-жь его слѣдуетъ ставить ниже того начальника, который облагодѣтельствовалъ солдата одной только печатной справедливостью, но про котораго солдатъ навѣрно скажетъ: «ну что-жь, убили, — другаго назначатъ, — не бѣда...»

Если любовь къ человѣку наиболѣе познается въ несчастіи, то вотъ примѣры, показывающіе разницу въ отношеніяхъ къ солдату Егорыча и того ротнаго командира, который питается однѣми инструкціями и только на этомъ основываетъ свой авторитетъ въ ротѣ.

Первый примѣръ. Положимъ, въ ротѣ идутъ занятія подъ наблюденіемъ Егорыча, которому въ это время докладываютъ, что такой-то солдатъ его роты, находившійся на излеченіи въ госпиталѣ, умеръ. Вы сразу замѣчаете, что это извѣстіе поражаетъ Егорыча; вы видите морщины печали на его лбу и

какое-то особенное недоумѣніе, которое всегда замѣчается въ семьѣ, пораженной печальнымъ извѣстіемъ. Егорычъ осѣняетъ себя широкимъ русскимъ крестомъ и, въ знакъ уваженія къ покойнику, на время пріостанавливаетъ занятія. Дѣлая нарядъ на похороны, онъ распоряжается какъ родной, и въ ласково-смиренномъ тонѣ его голоса вы узнаете тотъ самый тонъ, которымъ, напримѣръ, родители отпѣваемаго покойника разговариваютъ съ церковнымъ причтомъ. «Тамъ-же свѣчей возьмешь, говорилъ онъ отправляемому на похороны каптенармусу, — да вотъ отдашь рубль священнику» и т. д.

Въ этой простой сценѣ, исполненной патріархальности, мы ясно видимъ настоящую, заправскую русскую семью. Зная отзывчивость солдата къ начальнику, который его жалѣетъ, мы можемъ навѣрно сказать, что за одну такую сцену солдатъ будетъ безропотно ѣсть урѣзанную порцію всю свою службу, и даже больше, — если вы станете ловить Егорыча въ его злоупотребленіяхъ на кухнѣ, то солдатъ даже его не выдастъ.

А вотъ и другая сцена: вамъ докладываютъ въ присутствіи людей, что сегодня хоронятъ Иванова и что каптенармусъ уже пошелъ распорядиться похоронами. «Какой срокъ мундира выданъ для похоронъ?» спрашиваете вы холодно. — «Второй», отвѣчаетъ фельдфебель. — «Сколько я разъ говорилъ, чтобы выдавали третій! взыскать съ каптенармуса!..» и т. д. Все это въ высшей степени законно, согласно съ приказами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени неприлично. Люди никогда не простятъ вамъ такого пренебреженія къ семьѣ, и тотъ самый солдатъ, который не выдавалъ несправедливаго Егорыча, навѣрно выдастъ васъ, не смотря на вашу безупречную справедливость. Кто чувствуетъ себя хоть сколько нибудь близкимъ къ солдату, тотъ достигаетъ исполненія приказовъ другимъ тономъ и въ другой формѣ.

Второй примѣръ. Положимъ, солдатъ попался въ какомъ нибудь важномъ проступкѣ. Ваша нелюбовь къ этому солдату прежде всего можетъ выразиться въ томъ, что онъ для васъ не человѣкъ, а нумеръ: васъ не будетъ безпокоить потеря члена вашей военной семьи; вы даже не потрудитесь подумать о томъ, что это не професіональный негодяй, а человѣкъ несчастный, и

можетъ быть несчастный именно черезъ васъ, ибо вы не умѣли обставить его добрымъ вліяніемъ; у васъ прежде всего накипаетъ къ нему злоба за то, что онъ у васъ уже третій или четвертый въ этомъ году, что васъ черезъ него будутъ считать слабымъ командиромъ и т. д. Вы кричите на этого человѣка, брезгливо разспрашиваете его объ обстоятельствахъ проступка, отдаете холодное приказаніе о его предварительномъ арестѣ и вмѣсто утѣшенія говорите ему на прощаньи: «ну, что-жь, — арестантомъ будешь; самъ добился; туда тебѣ и дорога...» Сколько желчи, сколько брезгливости къ солдату заключается въ одной этой сценѣ; а такая сцена вполнѣ возможна у самаго педантичнаго исполнителя росписаній и инструкцій, который считается отличнымъ ротнымъ командиромъ.

Посмотримъ, такъ-ли поступалъ Егорычъ. Онъ также сердился, кричалъ на человѣка, но въ тонѣ его выговора не было этой ненависти къ солдату, этого чувства брезгливости. Онъ, можетъ быть, даже билъ его при допросѣ, но, отправляя изъ роты, смягчался, и когда солдатъ говорилъ: «виноватъ, Иванъ Егорычъ», онъ уже съ большимъ участіемъ отвѣчалъ ему: «что-жь подѣлаешь, — вижу, что виноватъ... нѣшто мнѣ самому не жалко?.. учишь, учишь васъ, дураковъ, — просто мочи моей нѣтъ съ вами...»

Но этимъ не кончалось; Егорычъ непремѣнно навѣщалъ арестованнаго и между ними происходилъ, примѣрно, такой разговоръ:

— Эхъ, братъ, Семеновъ,—жалко мнѣ тебя, и рота жалѣетъ, потому — какъ я вижу, ты все это съ дурости надѣлалъ...

— Такъ точно, Иванъ Егорычъ.

— Ну, что-жь подѣлаешь, — отсиживай, а вернешься въ роту, дастъ Богъ, заслужишь...

— Постараюсь, Иванъ Егорычъ, — всѣми силами буду стараться...

Для человѣка малоразвитаго такая сцена можетъ показаться сантиментальной и въ военномъ быту нежелательной: «какіе могутъ быть особенные разговоры съ солдатомъ, скажетъ онъ,— виноватъ—карай его безъ всякихъ нѣжностей» и т. д. Но кто хорошо знаетъ солдата и сколько нибудь мыслилъ о его воспи-

таніи, тотъ думаетъ иначе, ибо навѣрно знаетъ, что нѣтъ такого человѣка, въ которомъ не было бы задатковъ порядочности, и эти-то задатки могутъ быть вызваны къ жизни именно такимъ способомъ, какъ вызывалъ ихъ Егорычъ, у котораго намъ, людямъ интелигентнымъ, есть чему поучиться. Самый простой выводъ изъ двухъ приведенныхъ сценъ ясно показываетъ, что разсматриваемый нами офицеръ, какъ педагогъ, не можетъ идти даже въ сравненіе съ Егорычемъ: вышедшій изъ тюрьмы Семеновъ у офицера непремѣнно будетъ держать себя какъ арестантъ, потому что его такимъ считаютъ, а у Егорыча будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы заслужить свою вину.

Не трудно понять, что въ приведенной сценѣ достоинство Егорыча выражается не въ словахъ, а въ тонѣ обращенія съ человѣкомъ, гдѣ даже такія слова, какъ «учишь, учишь васъ, дураковъ», звучатъ отеческой любовью. Такого тона не поддѣлаешь. Жалко видѣть того начальника, который самъ не любитъ солдата, а отъ него требуетъ любви, или вдругъ начинаетъ заигрывать съ солдатомъ, называя его: «мой другъ», «голубчикъ» и т. д. Все это фальшиво и неприлично.

Третій примѣръ. Положимъ, у васъ человѣкъ заболѣваетъ; не любя его, вы тотчасъ же обижаете его недовѣріемъ. Мы говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что для солдата ваши слова: «свести этого лѣнтяя въ лазаретъ, — пусть докторъ осмотритъ: мнѣ кажется, что онъ притворяется», — обиднѣе самой грубой брани и даже побоевъ, которые онъ получалъ отъ Егорыча. Какое ужасное пренебреженіе къ человѣку кроется въ этихъ словахъ: васъ безпокоитъ не болѣзнь солдата, который ввѣренъ вашему попеченію, а то, что у васъ много отсталыхъ въ ротѣ и что вы получите черезъ это замѣчаніе.

Совсѣмъ не такъ поступалъ Егорычъ. Онъ твердо зналъ, кто у него настоящій лѣнтяй, умѣлъ подтянуть его другими способами и никогда не обижалъ солдата напраснымъ недовѣріемъ. А вотъ и другая сцена: человѣка отправляютъ въ госпиталь; вы даже не полюбопытствуете разспросить его, чѣмъ онъ болѣнъ, и только грубо удостовѣряетесь всѣ-ли вещи онъ сдалъ въ цейхгаузъ, записанъ-ли онъ въ лазаретной книжкѣ и вообще исполняете надъ нимъ одну только формальность, продѣлывая

все это раздражительнымъ тономъ. «Ну, ступай! говорите вы на прощанье человѣку, который, можетъ быть, скоро умретъ,—болтаетесь по госпиталямъ, а потомъ возись съ вами на одиночкѣ»...

Совсѣмъ не такъ поступалъ Егорычъ: видя, что человѣкъ дѣйствительно болѣнъ, онъ провожалъ его въ госпиталь, какъ роднаго, трогательно прощался съ нимъ, желалъ, чтобы онъ поскорѣе выздоравливалъ и даже самъ помогалъ завязывать въ узелокъ его вещи. Въ госпиталѣ онъ навѣщалъ его и вообще держалъ себя съ нимъ какъ родной. Какъ же солдату было не любить Егорыча, даже не смотря на его многія незаконныя дѣйствія?

Скучна и безсодержательна строевая служба того начальника, который не можетъ сблизиться съ солдатомъ; такой начальникъ не можетъ имѣть и большаго служебнаго успѣха, ибо вся служба подчиненныхъ, особенно касающаяся развитія военнаго искусства, находится въ большой зависимости отъ этого сближенія. Въ старой школѣ было безтолковое обученіе и вообще много мелкихъ безпорядковъ, но тамъ всегда присутствовалъ важнѣйшій воспитательный элементъ военнаго быта—семья, во главѣ которой стояли Егорычи. Теперь Егорычей нѣтъ, и потому намъ, интелигентнымъ людямъ, слѣдуетъ стоять на стражѣ этой семьи, а для этого нужно сойтись съ солдатомъ, узнать его ближе, ибо только тогда мы увидимъ, что это человѣкъ не грубый, не тупой и вообще не непріятный, какъ это кажется людямъ, руководимымъ въ своихъ симпатіяхъ ложно-эстетическимъ чувствомъ.

Современный начальникъ, проявляющій высокія достоинства руководителя старой школы и умѣющій соединить ихъ съ тѣмъ строгозаконнымъ отношеніемъ къ солдату, которымъ отличается нынѣшняя служба,—вотъ тотъ простой идеалъ ротнаго командира, къ которому должны стремиться всѣ молодыя силы нашей военной интелигенціи. Послѣдняя война показала намъ рядъ трогательныхъ картинъ беззавѣтной преданности людей такому начальнику.

Ник. Бутовскій.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ ПРОДАЮТСЯ:

Солдатская памятка. Собралъ *М. Драгомировъ*. 11-е изданіе (110,000 экз.).

Стѣнная таблица въ 2 краски. 3-е изд.				— р.	**20** к.
Книжкой, въ форматѣ запис. солд. кн.				— »	**4** »
100 экз. (и болѣе)	4	к.,	съ пер.	**4** »	— »
500 »	»	3½	» »	**17** »	**50** »
1000 »	»	3	» »	**30** »	— »
2000 »	»	2½	» »	**50** »	— »

Учебникъ для рядовыхъ пѣхоты составленъ по перечню свѣдѣній, знаніе коихъ обязательно для каждаго рядоваго въ пѣхотѣ. (Приказъ по Воен. вѣд. 1880 г. № 335). Составилъ *Н. И. Г.* 7-е исправленное изданіе *В. А. Березовскаго*. Въ текстѣ помѣщены портретъ Государя Императора, рисунки погонъ, знаковъ отличій и многіе другіе. Спб. 1889 г. . **30** к.

Въ папкѣ . . . . . **40** к.

Одобренъ какъ учебникъ въ Циркулярѣ Главнаго Штаба 1887 г. № 228 и 1888 г. № 234.

Учебникъ для пѣхотныхъ учебныхъ командъ. **Руководство для унтеръ-офицеровъ.** Составили, на основаніи программы, объявленной при приказѣ по Воен. вѣд. 1875 г. № 52, *К. Адариди* и *А. Детловъ*. Изданіе 4-е, дополненное и исправленное согласно послѣдовавшимъ законоположеніямъ. Спб., 1889 г. Въ оберткѣ. **50** к.

Папковый переплетъ . . . . . **10** к.

Одобренъ какъ учебникъ Циркуляромъ Главнаго Штаба 1887 г. № 228 и 1888 г. № 234.

Свѣдѣнія по уходу за лошадью. Руководство для всѣхъ офицеровъ, имѣющихъ лошадь. Составилъ *В. Сухомлиновъ*. 2-е изд., Спб. 1889 г. . . . . **60** к.

Пособіе для обученія рядовыхъ полевой пѣшей артиллеріи. Составилъ *В. Беренсъ*.

Часть I. (Курсъ молодыхъ солдатъ) 1886 г. Настоящее руководство содержитъ только свѣдѣнія, знаніе коихъ обязательно для каждаго артиллерійскаго солдата батарейныхъ и легкихъ батарей.

Часть II. 1887 г. Вторая часть пособія раздѣлена на два отдѣла, соотвѣтственно двумъ разрядамъ строевыхъ рядовыхъ полевыхъ пѣшихъ батарей: прислуги и ѣздовыхъ.

Цѣна за обѣ части . . . . . **50** к.

Части отдѣльно не продаются.